

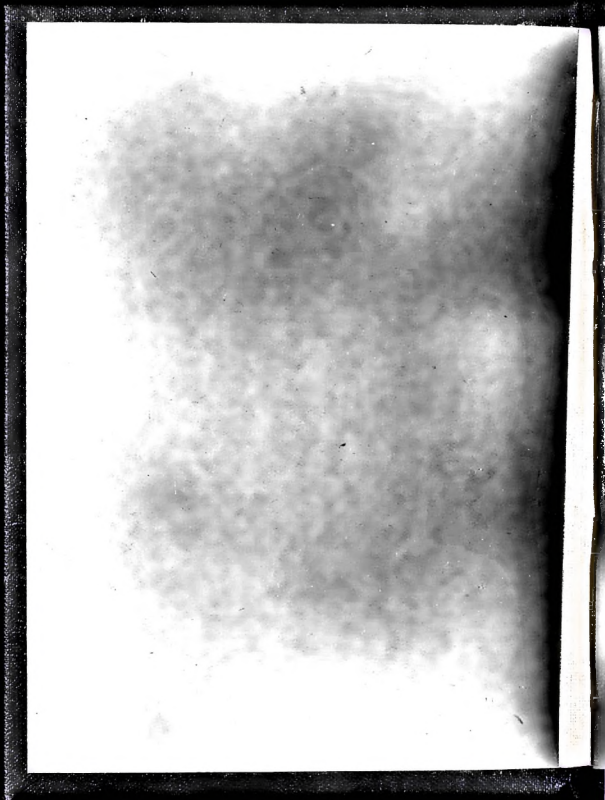
Троцкий Л.Д
Доклад о
международ-
ном и внутрен-
нем Положе-
нии.

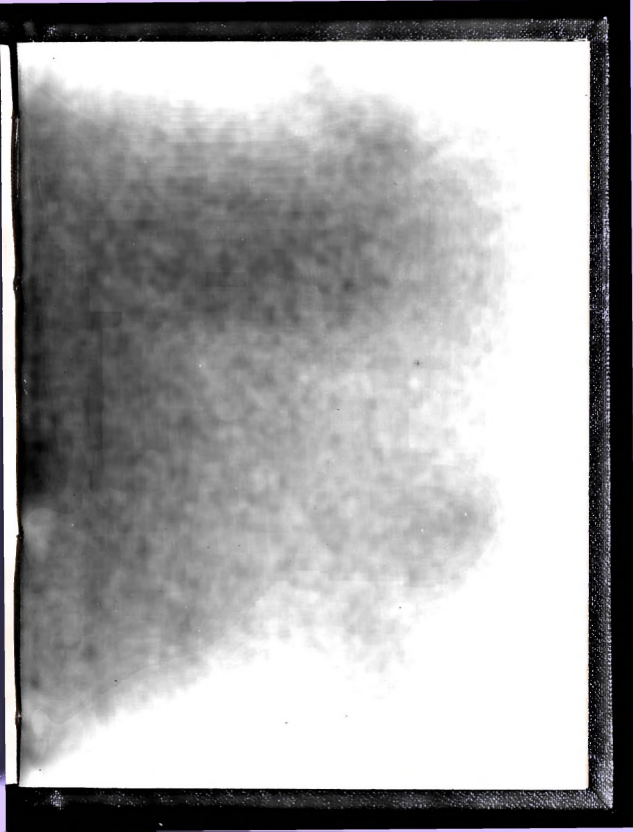
М., 1926.

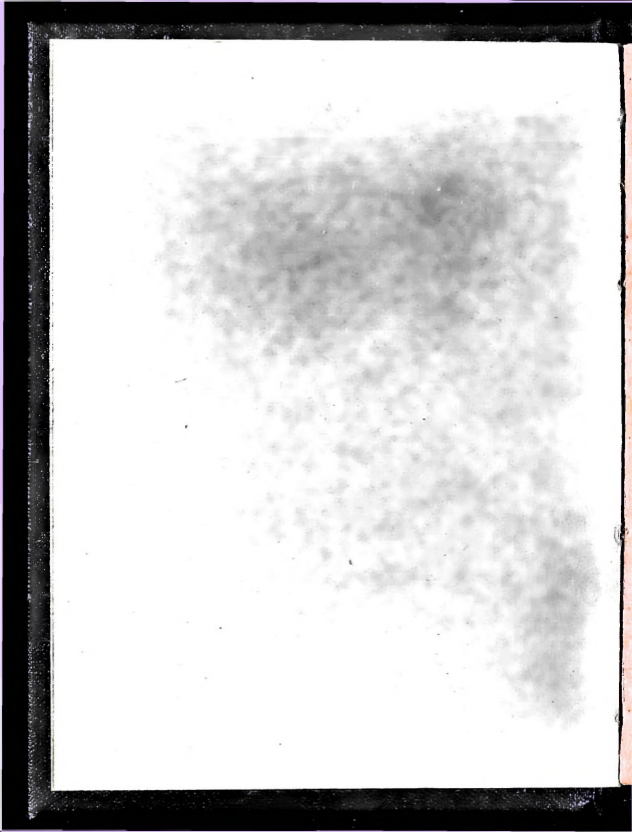
ИМЛ — Библиотека

ЕН 141

Д 653

БИБЛИОТЕКА ГОЛОСА ТЕКСТИЛЕЙ

ЕМ 171

Д 663

Л. Д. ТРОЦКИЙ

X

**ДОКЛАД О МЕЖДУНАРОДНОМ
И ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ**

НА

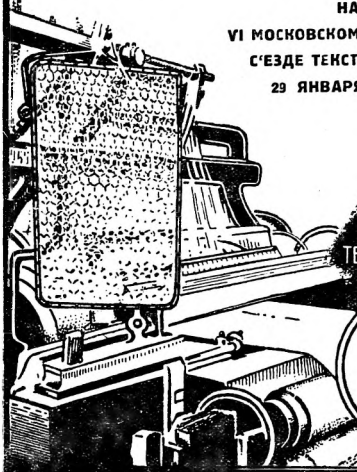
**VI МОСКОВСКОМ ГУБЕРНСКОМ
СЪЕЗДЕ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ**

29 ЯНВАРЯ 1926 г.

ИЗДАНИЕ

ЦК СОЮЗА
ТЕКСТИЛЬЩИКОВ

11

(к)

Е Н 171
Д 663

1068651

(~~293~~
34)

~~с/о~~
12022

~~2951~~
34 с/л.

Главлит № 55806.

Москва—1926 г.

Тираж 40.000.

„Мосполиграф“, Типо-цирк. „Мысль Печатника“, Петровка, 17.

Чжан-Цзо-Лин нарушил договор.

Товарищи, за последние дни наша страна, а в значительной мере и весь мир с напряжением следил за тем столкновением, которое произошло у советского правительства с китайским генералом или, кажись, маршалом (там у них маршал звание дешевое) Чжан-Цзо-Лином по вопросу о Китайско-Восточной железной дороге. Из сегодняшних газет вы, товарищи, могли убедиться, — разумеется, к общей нашей радости, — что грозившее перейти на военные рельсы столкновение разрешается дипломатическим путем. А несколько дней назад, когда советское правительство потребовало в трехдневный срок дать удовлетворение нашим законнейшим требованиям, могло казаться, что дело закончится военным конфликтом. И скажем сразу: если бы здесь, с нашей стороны, было не рабоче-крестьянское правительство, а самое «миролюбивое», самое «пацифистское» буржуазное правительство, дело закончилось бы неизбежно введением войск в пределы Манчжурии. В самом деле. У нас с Китаем договор о Китайско-Восточной жел. дор., договор с бессильным правительством в Пекине и отдельное дополнительное соглашение с этим самым маршалом манчжурским Чжан-Цзо-Лином, договор, который устанавливает на дороге смешанное правление и имеет задачей превратить дорогу в орудие мирного хозяйственного развития

Китай. И вот это соглашение нарушено в самой вызывающей форме.

Арест т. Иванова, разгон союза железнодорожников.

В Китае гражданская война. Волны революции и контр-революции сменяют друг друга, и дорога время от времени попадает в этот переплет. Маршал Чжан-Цзо-Лин является представителем крайней китайской реакции и не находится в подчинении у японских империалистов только в те дни, когда предлагает свои силы империалистам английским и иным. Он ищет хозяина, который богаче снабжает золотом и оружием. И вот с ним у нас произошел конфликт. Через одного из своих генералов (там каждый бездельник, набравший необходимое количество бандитов, называется генералом) арестовал товарища Иванова, руководителя Китайско-Восточной жел. дороги, вслед за ним несколько сот рабочих и служащих дорсги, разогнал профсоюз железнодорожников и вообще учинил целый ряд бесчинств, попирая солдатским сапогом им же подписанный договор с советским правительством.

Наш коготок не увяз.

В этих условиях, товарищи, нельзя было молчать, нельзя было не требовать освобождения арестованных рабочих и служащих, которым к тому же один из генералов грозил военно-полевым судом. Буржуазные государства в таких случаях ставят вопрос ребром: национальный престиж, достоинство знамени и т. п. Мы подошли к столкновению строго деловым порядком — добиться своего путем соглашения. Ну, конечно, с господами маршалами при помощи прокламаций разговаривать трудно. Приходится на помощь прокламациям, которые в таких случаях называются дипломатическими нотами, привлекать и вооруженную силу. И вот отсюда-

то и выростала опасность... Только благодаря величайшей осторожности, которая шла рука-об-руку с твердостью, удалось достигнуть от этого башибузуки, — так можно перевести с китайского языка имя маршала, — освобождения наших товарищей и восстановления профессионального союза железнодорожников. По поводу остальных наших требований: наказания виновных, возмещения убытков и, главное, создания условий, которые исключали бы такие конфликты в будущем, — по поводу всего этого переговоры идут своим чередом. Товарищи, рабоче-крестьянская страна вообще-то не играет огнем и не брицает мечом. Мы вели до сих пор войны только тогда, когда нам их навязывали, когда подступали с ножом к горлу. В данном же случае осторожность требовалась двойная и тройная. Нельзя забывать ни на минуту, что китайцы являются народом вдвойне и втройне угнетенным. Китай окружен врагами, и не раз его душили европейские империалисты, а затем и азиатские, в лице Японии. Китайский народ, как народ угнетенный, очень подозрителен — и с полным правом. Когда мы подняли руку для защиты арестованных рабочих на железной дороге, то китайский народ, естественно, насторожился. А мировая буржуазная печать открыла бешеную кампанию, в которой сочетались ненависть и злорадство. Ненависть ее мы знаем. Она диктует классовому врагу стремление на каждом шагу подрывать доверие к Республике рабочих и крестьян. А злорадство вытекало на этот раз из подозрения, что и мы пойдем проторенными путями колониальных захватчиков. «Смотрите, и они там в Москве тем же миром мазаны, что и мы: затронуди их железную дорогу, они показали бронированный кулак. Ведь это же наша политика». И вся мировая печать за последние дни полна статей, которые доказывают, что советская политика ни на йоту не отличается от политики царского правительства. Но они про-

считались. Они были уверены, что мы воспользуемся «счастливым» предложением, войска введем, дойдем до Харбина и оттуда не уйдем. Во всей истории колониальной политики буржуазных государств этот метод является излюбленным: посылают миссионера-попа, за ним купца, потом дипломата, и если с одним из этих трех происходит какие-либо неприятные осложнения, пользуются этим, чтобы послать солдата. Войска приходят для того, чтобы обеспечить удовлетворение национальному «престижу», — приходят, но не уходят. Так создаются колонии. Японские милитаристы, а за ними англичане и французы, ждали даже не без сочувствия: вот, дескать, хорошо, если бы у них тоже коготок увяз. Но нечего говорить, что этого удовлетворения буржуазному миру мы не доставили и не доставим никогда. (Аплодисменты).

Мы показали китайскому народу знамя братства.

С удовлетворением приветствуя благополучное разрешение конфликта, мы должны вместе с тем твердо и во всеулышашие напомнить, что Китайско-Восточная дорога проходит по китайской земле, не по нашей, и что построена она была царизмом для эксплуатации китайского народа, для фактического присоединения китайской провинции, Северной Манчжурии, к России, и это проклятое наследие тяготеет над дорогой до сегодняшнего дня. Темные китайские массы не отдадут себе полного отчета в том огромном перевороте, который произошел у нас, где переменялся не только хозяин Китайско-Восточной железной дороги, но хозяин всей страны. И китайцы с опаской глядят на дорогу. Конечно, передовые элементы Китая знают, что мы постольку дорожим своим участием в дороге, поскольку не можем допустить, чтобы она стала орудием иностранных империалистов против Китая и против нас. С крепким народным правительством, когда оно сложится

в Китае, мы договоримся с двух слов. Но широкие китайские массы еще не понимают этого. Им надо это разъяснить на деле. Железнодорожники Китайско-Восточной железной дороги, — а их около 25.000 и в большинстве это советские граждане, — являются там как бы нашими постоянными представителями, низовыми дипломатами Советского Союза в самом сердце Манчжурии. И мы должны им еще раз сказать: товарищи, мы сделали все, чтобы освободить тех из вас, которые подверглись бесовственному и незаконному аресту. Мы не дадим вас в обиду и впредь. Но мы требуем от вас, чтобы вы помнили, что железная дорога строилась царизмом против воли Китая, что в сердцах китайского народа сохранилось много законного недоверия к дороге и к ее хозяину. Ваша задача, рабочие железнодорожники Китайско-Восточной жел. дор., с корнем вырвать из сердца китайского народа то недоверие, которое мы переняли по наследству от старой власти. А для этого вы должны в вашей собственной среде вытравить навсегда остатки того, что сеяла царская Россия, остатки высокомерия и презрения к китайцу, которого называли унижительными именами, к которому относились, как к «низшей расе», на котором «белые» привыкли и в переносном и в буквальном смысле слова ездить верхом. В Манчжурии каждый русский рабочий стоит на ответственном посту. Там дело идет не о «престиже национального знамени», там надо показать не бронебойный кулак, а знамя коммунизма, т.-е. знамя братства рабочих и крестьян, независимо от языка нации и цвета кожи. (Аплодисменты). Вот г л а в н ы й для нее урок конфликта.

Для старой Европы наступает час расплаты.

Столкновение в Манчжурии выросло из прилива и отлива революции в Китае. А революция в Китае есть часть длительной и затяжной борьбы азиатских народных масс против евро-

пейского империализма, — Азии против Европы! Азия с населением в два с лишком раза больше европейского, все больше и больше поднимается против капиталистической Европы. Но не только Азия. По другой линии, другими способами против Европы поднялась во весь рост Северная Америка. И, наконец, европейская буржуазия говорит, что и наш Союз тоже родился на свет против интересов, против воли правящей Европы. Немудрено, если положение Европы, т. е. Европы буржуазной, становится все более и более трудным, все более и более безвыходным. Против нее Азия, которая поднимается, чтобы отвоевать свою независимость. Против нее Америка, которая поднялась над всем миром, и все больше и больше пригибает Европу к земле. И против нее наш Советский Союз не злокозненной пропагандой, — это дело маленькое, — а тем, что он существует, и своим существованием призывает угнетенные массы всех стран встать на новые пути. Европа долго господствовала над миром и тиранила его, а теперь наступил час расплаты для старой греховодницы — Европы: Азия против нее, а за Азией идет Америка, Америка против нее, а к Америке все больше тяготеет Австралия, — да, говорят, и Советский Союз против нее. (Аплодисменты).

Английские рабочие нашли у нас поддержку.

Если хоть бегло перебрать положение важнейших европейских государств, то надо прийти к выводу, что, приступив к расплате, история с Европой не шутит. Самая сильная в Европе страна — Англия. Опираясь на Европу, она господствовала над миром, привыкла к владычеству над миром, как человек привык дышать воздухом. Англичанин (я имею, разумеется, в виду п р а в я щ е г о англичанина, буржуа, лорда) в течение столетий не мыслил себя иначе, как владыкой мира. А вот рост колоний, их хозяйственное развитие, тяга к само-

стоятельности, восстание национальное, рост промышленности в английских доминионах, рост конкуренции других стран, сперва Германии, — ее придушили, — затем Соединенных Штатов, — а их не придушишь, они сами всякого задуют, — наконец, рост крепости Советского Союза, по которому равняются угнетенные народы и угнетенные классы всего мира. — вот что наносит непоправимый удар старой владычице морей и материков. На наших глазах она сползает все ниже и ниже. Вы, кажется, сегодня послали приветствие англо-русскому комитету единства профдвижения. Откуда он явился? Он вырос из хозяйственного упадка Англии. Товарищи старшего поколения, те, которые учились марксизму 20—25 и более лет тому назад, помнят, что английские тред-юнионы считались оплотом консерватизма. Мы на кого взирали с надеждой? Прежде всего, на немецкого рабочего, затем на французского, а об английском говорили, что он вяжется в борьбу в третью, четвертую или пятую очередь. Почему? Потому что он привык в верхнем своем слое к аристократическому положению, которое было возможно лишь благодаря привилегированному положению английской промышленности. Если бы 25 лет тому назад, — а ведь это срок небольшой, — тогдашние русские революционеры предложили братанне рабочим вождям, если бы того же Томского 20 лет тому назад послать в Лондон объединяться с английскими тред-юнионами, они показали бы ему кузькину мать, разумеется, великобританскую, а не нашу российскую. (Смех). А сейчас тред-юнионы принимают Томского по-братски. Где причина? Причина та, что последние десятилетия подkopали британскую промышленность, от привилегированного положения рабочего класса не остается и следа, и английский пролетарий политически пролетаризуется. Он ищет новой опоры и не случайно находит ее прежде всего в наших советских профессиональных союзах.

Англо-русский комитет единства продвижения есть высшее выражение того сдвига в положении всей Европы, и особенно Англии, который происходит на наших глазах и который ведет к европейской революции. Другого выхода нет. Не так давно в Англии пришло к власти консервативное правительство, которое обещало хозяйственные беды исправить путем протекционной политики. Мы предсказывали господину Болдуину на этом пути неудачу: Англия живет на ввозе продуктов земледелия, сырья, полуфабрикатов, поэтому она не может стать протекционной страной; если одна отрасль промышленности от покровительственных пошлин возрастет, другая погибнет. Тем не менее, Болдуин даже значительную часть рабочих соблазнил, обещав при помощи покровительственной системы высоких таможенных пошлин спасти английскую промышленность. Каковы же результаты? Протекционизм введен для женских перчаток, для обычных гвоздиков, кажется, для клозетной бумаги (смех) ... — слова из песни не выкинешь; — еще, кажется, для 2—3 предметов, житейски столь же необходимых, но которые все же не способны возродить экономику Англии. Последний названный мною товар и есть, пожалуй, наиболее точный символ для протекционистской программы консервативного правительства, какую она вышла на практике. (Аплодисменты, смех).

Правда, Болдуин нас учил, и меня, грешного, в особенности, еще в своей речи в Лидсе, в том смысле, что первое дело — это постепенность. Не спеши, не зарывайся, постепенность прежде всего! Но все же, если Болдуин будет покровительствовать промышленности с такой постепенностью, то пройдет лет триста; пока он развернет свою программу, а жизнь ведь не ждет, а рабочий класс ведь сдвигается влево, а ведь англо-русский комитет единства продвижения создан не случайно. И мы еще увидим с божьей помощью, — в королевстве Болдуина все происходит не иначе, как с божьей помощью, —

как английский буржуазный режим «постепенно»... опрокинется.

Положение Франции пошатнулось.

Еще совсем недавно многие не отдавали себе отчета в том, до какой степени пошатнулось положение Франции, этой второй по могуществу европейской страны, самой могущественной ныне на континенте. Во Франции слабым местом являются государственные финансы. Ужасная задолженность, потрясающее разорение мелкой буржуазии, непрерывная инфляция. Что такое инфляция, вы все помните по собственному опыту. В Германии инфляция создала в 1923 г. глубоко революционную обстановку. Во Франции, правда, дело до этого еще не дошло, но к этому движется. В то время, как огромные массы французского народа разоряются из-за падения франка, урезают себя во всем из-за повышения цен на товары, небольшая группа банков обогащается в сказочных размерах. Во Франции есть 200—300 чел., которые имеют в своих руках краткосрочных государственных обязательств на 20—25 миллиардов руб. 200—300 человек, да и то, надо думать, родственники и свойственники. По этим обязательствам срок истекает в конце каждого месяца, и эти 200—300 человек могут в любой момент приставить револьвер к виску государства. И делают это. Они заставляют государство заключать новые займы для уплаты по старым, заставляют выпускать новые государственные бумажки. В банках при этой операции золото оседает на две кассы, а на рынок выпускается обесцененный франк. И мы видим, как французское трудолюбивое крестьянство, искусный пролетариат Франции, ее чиновничество, мелкая буржуазия городов, даже средняя буржуазия, разоряются, нещадно эксплуатируемые небольшой банковской кланкой. Государственный долг нависает как лавина. Крупная буржуазия платить не хочет, мелкая буржуазия — не может.

А между тем, деньги нужно взять там, где они есть. Есть они в бlynках, но бlynки управляют Францией, т.-е. управляют те 200—300 человек, в руках которых сосредоточены миллиардные государственные обязательства. Получается заколдованный круг. И мы видим, как во Франции сменяется одно правительство за другим. Все они подходят к вопросу о бюджете, о долгах, о налогах вроде гоголевских крыс: приходят, поношают и уходят прочь. С июля 1924 года, — сколько же это будет? Полтора года, 18 месяцев, — за это время во Франции сменилось семь министров финансов.

Для Франции и Англии наступает год великих потрясений.

Да, семь! Конечно, смена министра сама по себе не бог весть какая катастрофа, это бывает и в других странах. (Смех в зале). Но все-таки нужно же сроки соблюдать. За восемнадцать месяцев сменилось семь министров, даже без двухнедельного предупреждения, — это выходит на министра $2\frac{1}{2}$ месяца в среднем. Что ни говорите, а это маловато. Но в этой мимолетности что выражается? То, что министр финансов не смеет взять деньги там, где они есть, а где их нет, там не возьмешь, ибо «на нет и суда нет». В этом-то и состоит сейчас сущность финансового, хозяйственного и политического положения Франции. Инфляция продолжается, франк падает. До недавнего времени народным массам говорили, что Германия будет платить. Потом обещали, что Россия заплатит. На счет последнего, вероятно, тов. Раковский все, что нужно, объяснит в Париже, так что мы себя утруждать по поводу этого вопроса не будем здесь. Нет, мелкими мерами не поможешь. Франция идет, скажем, прямо к величайшей экономической катастрофе. Выход может быть найден только на пути решительного вмешательства государственной власти в распределение материальных благ у разных классов. А мы знаем из истории,

что такое репительное вмешательство по плечу только правительству рабочего класса.

Конечно, трудно быть пророком, но в отношении Англии и Франции многое говорит за то, что уже текущий год будет свидетелем серьезных потрясений там и здесь.

В Англии основной промышленностью является угольная. И эта основная отрасль получила за истекший год огромные подкчки от государства, чтобы поддерживать нынешний, крайне скаредный уровень заработной платы. Этот своего рода колдоговор между Болдуином и промышленниками истекает, кажется, в конце апреля. И тут вопрос встанет ребом: будет ли и впредь государство давать десятки миллионов фунтов стерлингов, т.е. сотни миллионов золотых рублей, углепромышленникам, чтобы поддерживать заработную плату углекопов, подрывая этим бюджет и хозяйство страны; или же помощь будет прекращена, — и тогда неизбежен грандиозный экономический конфликт между углекопами и магнатами угольной промышленности, который потрясет хозяйственную жизнь Англии на долгие месяцы.

Во Франции хозяйственное положение становится все более тяжелым. За последние месяцы политическая атмосфера сгущается, парламент зашел в тупик, министерство встает белкой в колесе, крупная буржуазия говорит, что главный враг — парламентаризм, при чем фашисты не на шутку начинают поднимать голову. Все это признаки безвыходного положения буржуазной Франции. Многие говорят за то, что еще в этом году во Франции кризис найдет себе то или иное открытое выражение.

Надо ждать беспокойной весны для всей Европы.

А в Германии? Еще год, полтора назад мы читали, как германская промышленность восстанавливается, как она до-

стигла почти 100 процентов довоенного могущества, а сегодня каждый день приносит нам телеграммы о разорении виднейших германских фирм, о десятках, сотнях и тысячах банкротств, о колоссальном росте безработицы. Достаточно сказать, что число безработных, пользующихся помощью государства, уже сейчас составляет 1.700.000 душ, и число это изо дня в день растет.

Что во всех этих фактах выражается? Безвыходное положение капиталистической Европы, против которой восстает Азия; Европы, которую душит Америка; Европы, для которой самым своим существованием опасен Советский Союз.

Товарищи, весна этого года, по всей видимости, будет беспоконной весной для капиталистической Европы. Я не хочу этим сказать, что этой весной пролетариат Англии вырвет власть, или что французский пролетариат уже этой весной ниспровергнет свою буржуазию. Если в иностранной печати мне припишут такого рода заявления, я не удивлюсь: не впервой. Но моя мысль та, что наступает снова критический период и что равновесия, спокойствия, порядка Европе в этом году уже не видать.

Мы недавно еще устанавливали, что наступила известная «стабилизация», т.е. известное временное равновесие европейского капитализма, а значит, и его упрочение. Но оно оказалось гораздо более кратковременным, чем можно было думать. И если сегодня нам, революционерам, спросить себя, что грозит революции: устойчивость европейского хозяйства, его стабилизация? Нет, ни в коем случае. Сможет ли европейская буржуазия задержать революцию, восстановить хозяйственное развитие на капиталистических основах? Нет, не сможет. Такой опасности и в помине нет. Вопрос стоит так: сумеет ли европейский пролетариат в ближайший период революционно использовать расшатку европейского хозяйства и кризис

буржуазного господства? Вот как и только так стоит вопрос. Задержка революции не в объективных факторах хозяйственной жизни, нет, не в них, — наоборот, тут работа идет на славу. Вопрос стоит так: распад буржуазного хозяйства и парламентаризма — еще не революция; без пролетарского наступления, без боевого закала пролетариата и особенно его авангарда, без правильного руководства коммунистической партии победоносная революция невозможна. В Европе вопрос сводится к тому, окажутся ли в ближайший период европейские коммунистические партии на высоте, чтобы этот распад европейского режима превратить в победоносную революцию пролетариата. Партии растут, но растут медленно. Сколько времени нужно коммунистическим партиям Европы, чтобы созреть? Не знаю. На этот вопрос цифрой не ответить. Но они зреют. Были уже такие ситуации в Европе, что революция во всех своих объективных предпосылках была готова — возьми, — и пролетариат был готов к бою, но партия оказывалась неготовой. Была такая ситуация в Италии (1920 г.), в Германии (1923 г.). Мыслима ли она в будущем? Конечно, не исключена. Однако, практически надо сделать все, чтобы ее исключить. Весь наш русский опыт, накопленный в течение десятков лет, находится в распоряжении европейского и мирового рабочего класса. Но чужой опыт нельзя взять готовеньким, как книжку с полки, — его нужно сочетать с собственным опытом, проработать собственными мозгами, не по бумажке заучить, а впитать в кровь. И последний съезд нашей партии подчеркнул необходимость привлечения иностранных партий в гораздо более широких размерах, чем это было до сих пор, к непосредственному руководству Коммунистическим Интернационалом. Какой смысл этого постановления? А тот, что они дальше, на более высокой ступени, могут зреть и должны зреть не как ученики, повторяющие за учителем по указке, а как со-

Варшии, хотя бы и младшие по своему революционному возрасту и опыту. Вести пролетариат к боям и победам может только самостоятельно стоящая на ногах партия, руководству которой рабочие массы доверяют. Воспитать такие партии в европейских странах и воспитать такое руководство в европейских партиях есть сейчас величайшая задача, без которой Европа не будет вырвана из тех хозяйственных и политических судорог, в которых она задыхается весь послевоенный период.

Наши успехи нужны и мировому пролетариату.

Не раз уже говорилось, что наше хозяйственное строительство есть составная часть работы по укреплению пролетарских позиций во всем мире. Ваш съезд, — текстильщиков Московской губернии, — каковы бы ни были его сегодняшние практические задачи, представляет собою составную часть мирового штаба пролетарской революции.

Вы исходите из задач, которые стоят перед нашим хозяйством здесь на месте, в Московской губернии. Но между этими задачами и задачами мировой революции не только в вашем сознании, но и в живой действительности существует неразрывная связь. В то время, как европейское хозяйство задыхается в капиталистических противоречиях, наше хозяйство, нашедшее для себя новые общественные формы, должно непрерывно расти. Когда я говорил, что наша пропаганда есть «маленькое дело», а что самый факт нашего существования есть большое революционное дело, то я имел, прежде всего, в виду факт наших хозяйственных успехов. Если бы мы в рамках советского режима хозяйственно разорядились и падали в то время, как Европа разрушает накопленные ценности под режимом буржуазии, мы не поставили бы рабочие массы всего мира перед возможностью правильного выбора. Иностранцы рабочие делегации, которые приезжают к нам время

от времени, имеют возможность убеждаться, что мы делаем серьезные шаги вперед. Мировому пролетариату наши хозяйственные успехи нужны не менее, чем нам.

У вас, товарищи, в проекте резолюции говорится о производительности труда в том смысле, что ее надо переводить все больше и больше с рельсов интенсификации, т.е. личных усилий рабочего, на рельсы более правильной организации производства и облегчения рабочего посредством более высокой техники. Это не только правильно, по это есть основная наша задача, которая имеет международное значение, ибо наше хозяйство все время стоит под знаком сравнения с хозяйствами буржуазных стран, при чем предметом сравнения является, прежде всего, производительность труда.

Мы должны догонять технику Америки.

Поскольку я подошел к этому вопросу, я, товарищи, прошу у вас разрешения хотя бы бегло сравнить наше хозяйство с могущественнейшим капиталистическим хозяйством в мире, с хозяйством Соединенных Штатов. Я это делал по разным поводам и в разных областях не раз и не устану это делать, по крайней мере, до тех пор, пока мы с вами не догоним Соединенные Штаты. (Аплодисменты). Общественная форма нашего хозяйства неизмеримо выше, чем общественная форма хозяйства Соединенных Штатов. Там бешеная капиталистическая эксплуатация, ужасающее неравенство классов. У нас форма хозяйства такова, что открывает дорогу к полному равенству условий существования народных масс. Но в Америке в рамках капиталистической формы — высочайшая техника. У нас в рамках социалистической или переходной формы — крайне отсталая техника. И вот размер этой отсталости должен быть у нас всегда перед глазами: не для того, чтобы унывать или

опускать руки, наоборот, для того, чтоб удвоить усилия в борьбе за технику и культуру.

Я остановлюсь сегодня только на текстильной промышленности и назову лишь основные цифры. Число веретен действующих у нас на 135 млн. душ населения — $7\frac{1}{2}$ млн. В Соединенных Штатах на 112 млн. душ населения — 38 млн. веретен, т.-е. в пять раз больше. У нас на душу населения в год производится тканей $2\frac{1}{2}$ —3 фунта, в Соединенных Штатах — 30 фунтов, т.-е. в десять раз больше. Общая ценность текстильной продукции, если взять в довоенных рублях, у нас будет около миллиарда рублей, а в Соедин. Штатах — 14 миллиардов руб. Производительность труда в американском бумагопрядении на 70 проц. выше, чем у нас; в тонком прядении на 1.000 веретен в Соединенных Штатах, благодаря правильной организации и высокой технике, работают $2\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ рабочих, у нас — $7\frac{1}{2}$ рабочих. Механических двигателей на рабочего у нас приходится 1 лошадиная сила, даже меньше, в Соединенных Штатах — $4\frac{1}{2}$ лошадиных силы. Продукции годовой на 1 рабочего у нас приходится на полторы тысячи рублей в год, там — на $3\frac{1}{2}$ тысячи. По крайней мере, важнейшие из этих цифр надо помнить каждому текстильщику, в особенности каждому работнику профсоюза и каждому хозяйственнику: у нас производится на душу населения 3 фунта текстильных изделий, в то время как в Соединенных Штатах — 30 фунтов. При этом заметьте, что Соединенные Штаты экспортируют не больше 5 проц. текстильных изделий и импортируют столько же: вывозят ткани похуже, ввозят получше. Стало быть, все это количество тканей потребляется внутри страны, — одно это характеризует колоссальное богатство Соединенных Штатов! Вся Европа в целом не может сейчас тягаться с Северной Америкой, а мы, Советский Союз, и подавно. Но собираемся, но твердо собираемся тягаться, — иначе незачем было бы и говорить о социализме, — именно поэтому мы не должны

бояться эти сравнительные коэффициенты провозглашать, повторять, на таблицах вывешивать, чтобы каждый текстильщик помнил, какую дистанцию нам нужно пройти, чтобы советское хозяйство поставить на основу новой техники и научной организации труда.

Американская техника с советской властью — социализм, даже коммунизм.

Техника Америки, соединенная с советским общественным режимом. дала бы не только социализм, — дала бы коммунизм, или, во всяком случае, очень приблизила бы такие условия жизни, когда каждый работал бы по силе-возможности, а получал бы по потребности. Нельзя ни на минуту забывать, что американская техника тоже задыхается в капиталистических условиях именно потому, что она мощна, ей тесно в них. Американская техника требует, чтобы ее организовали в рамках единого планового хозяйства: она для этого полностью созрела. Что такое американский конвейер, вы знаете. Конвейер играет большую роль в системе Форда. Это бесконечная лента, которая подает или уносит материал, инструмент, полуфабрикат на заводе, организуя внутренний транспорт и определяя своим движением ритм производственного процесса. Американская техника достигла такого состояния, когда можно было бы, — при условии национализации средств производства, т.-е. при наличии социалистической власти, — организовать все американское хозяйство, начиная с пшеницы и хлопка и кончая иголками, автомобилями и готовым платьем, по принципу конвейера, т.-е. путем правильной, точно регулируемой подачи с завода на завод, из цеха в цех, из района в район сырья, материалов, предметов потребления и пр. Принцип конвейера, распространенный на хозяйство в целом и превращающий его в один гигантский производственный

организм, есть принцип социалистической техники. Важнейшей составной частью ее является электрификация, которая представляет собою наиболее совершенную форму энергетического конвейера, так как правильная плановая подача движущей, греющей и освещающей силы доводится электрификацией до высшей точности. Незачем пояснять, что я говорю о направляющем техническом и хозяйственном принципе, а не о практической задаче ближайшего дня. Без направляющего принципа строительство превратилось бы в крохоборство. Постоянным напоминанием об этом является наш план электрификации. Что придет раньше: осуществление у нас большого плана электрификации или установление в Соединенных Штатах советской власти? Посмотрим. Во всяком случае, одно поможет другому. С полной несомненностью можно сказать, что если бы нынешняя американская техника нашла для себя социалистическую форму организации, то материальная мощь Соединенных Штатов, которая и сейчас кажется нам безграничной, могла бы быть в короткий срок увеличена в 5—10 раз. Мы еще это увидим. Нет сомнения в том, что американская техника своего социалистического хозяина найдет, как и в том, что наш советский хозяин завоюет себе американскую технику. (Аплодисменты).

Ситцевая, тракторная смычка с деревней.

Наш путь ведет через неустанное повышение производительных сил. Без этого социализма не построишь. Недавний съезд нашей партии поставил задачу индустриализации страны во главу угла. В резолюции так и сказано: « Во главу угла поставить рост социалистической государственной промышленности и вовлечь под ее руководством и при помощи кооперации все большие массы крестьян-

ского хозяйства в русло социалистического строительства». Поднять крестьянина без подъема промышленности нельзя. Когда мы говорим о смычке, то нужно ее себе мыслить материально. Смычка, это — бесконечная лента ситца, которая натянута между городом и деревней. Ситцевый конвейер, — вот что такое смычка. Так, чтобы крестьянин, взявший в руки ножницы, — не ножницы сельскохозяйственных и промышленных цен, нет, а хорошие стальные но-кницы, которые делаются в металлооб-абатывающей промышленности, — мог бы от этой ситцевой ленты отрезать столько, сколько ему надо, а лента тем временем вертится. Мукик режет и говорит: «эвона, еще сколько остается, и конца не видеть.» Это смычка. Вот это смычка! (Аплодисменты). Смычка без ситцевого содержания не смычка, а голая формула. Конечно, одного ситца недостаточно. Нужна бумазая, нужна фланель. Крестьянин говорит: «давай гвоздь, давай плуг, давай трактор.» Надо строить смычку металлическую, тракторную. В первый период крестьянин требовал от города почти только ситца, кожи, чаю, т.-е. предметов потребления. Теперь требует и средств производства. Но по мере того, как крестьянин повышает спрос на трактор, его спрос на ситец не убывает, а возрастает. Подлинная смычка города с деревней мыслима только в двойном виде, — текстильном и металлическом, ситцевом и тракторном. Кооперация является организационно-общественной формой, которая, опираясь на промышленность, помогает крестьянину от индивидуального хозяйства перейти к коллективному, основанному на более высокой технике.

Государственной промышленности стставать нельзя.

Вопрос индустриализации страны есть вопрос социализма, т.-е. всей нашей судьбы. Теперь это ясно и захолустному кре-

стьянину. Мы терпим длительный и напряженный товарный голод. Вот этой бесконечной ситцевой ленты, о которой я говорил, еще нету, а вместо металлических ножниц оказываются нередко ножницы оптовых и розничных цен, т.-е. ножницы совсем плохой фабрикации. Спрос превышает предложение. Откуда это? Промышленность растет, а спрос на ее изделия, — и не голый спрос, а платежеспособный, — растет и того быстрее. Крестьянин хочет платить чистоганом и не находит достаточно товара. Откуда такая беда? Как ни странно на первый взгляд: от Октябрьской революции, которая чрезвычайно повысила платежеспособный спрос крестьянина. В самом деле. Мы подняли промышленность сейчас примерно до 75 проц. довоенного уровня, и сельское хозяйство поднялось примерно до того же уровня. Казалось бы, все в порядке. Правда, и до войны бывала нехватка товара. Но такого длительного товарного голода до войны, пожалуй, не было. В чем же дело? А в том, что мужицкий бюджет изменился. Благодаря Октябрю крепко изменился мужицкий бюджет. Крестьянин освобожден от уплаты аренды за помещичью землю. Все народное хозяйство, а значит и крестьянское, освобождено от уплаты процентов по иностранным займам, а до войны мы платили по этой статье до 400 млн. руб. в год. Это позволило снизить налоги. Страна освобождена Октябрьской революцией от старых господствующих классов, а новые паразитические элементы играют в ней неизмеримо меньшую роль. Проценты по иностранным займам уходили за границу. Проценты по иностранным капиталам, вложенным в нашу промышленность, уходили туда же. Помещики и капиталисты значительную часть своих доходов — наверно не меньше половины — расходовали на себя, притом немалую долю опять-таки за границей. Сейчас народнохозяйственный и прежде всего крестьянский бюджет от целого ряда этих вычетов освобожден. Именно поэтому достигнувшее всего лишь 75 проц. довоенного

уровня крестьянское хозяйство предъявляет столь повышенный спрос на продукцию промышленности. И отсюда же товарный голод. Он знаменует собою рост страны на новых основах. Но он знаменует собою и предостережение по адресу промышленности. Товарный голод говорит ей: не отставай! Что такое ножницы оптовых и розничных цен? Это инструмент, направленный против социализма. Не хватает промышленных изделий, спрос превышает предложение, розничные цены растут, образуется широкий разрыв между оптом и розницей. Кто же в этот разрыв пролезает? Частный торговец, спекулянт. Значит часть создаваемых в государственной промышленности ценностей вырывает из рук рабочего государства частный капитал. Когда промышленность отстает от платежеспособного спроса на лишний шаг, это в наших условиях значит, что выросла щель, в которую пролезает эксплуататор. Отсюда лозунг для промышленности; не отставать, а нагонять. настоячиво уменьшать расстояние между ее продукцией и платежеспособным спросом, иначе сказать, между темпом развития промышленности и темпом роста народного хозяйства в целом. Что об этом говорит резолюция съезда? «Держать курс на индустриализацию страны». Конечно, это программа не на год, а на годы. Но и программа каждого года должна стоять под тем же знаком. Дело идет об основной директиве хозяйственного, а стало быть, и культурного строительства. Стержнем нашего социалистического роста является государственная промышленность, — не против деревни, а за деревню и для деревни. Ведущую социалистическую роль в хозяйстве промышленности сможет играть в полном объеме, если сама она будет не отставать от народного хозяйства, а наоборот, идти впереди его.

Владимир Ильич завещал беречь каждую копейку и дружными усилиями поднимать наше хозяйство.

Каковы же возможности промышленного развертывания и каковы материальные пределы его? На этот счет резолюция XIV съезда отвечает следующими словами: «Развертывать нашу социалистическую промышленность на основе повышенного технического уровня, однако, в строгом соответствии как с емкостью рынка, так и финансовыми возможностями государства». Об емкости рынка я говорил. Емкости рынка мы далеко не исчерпали. Наоборот, главные трудности наши вытекают из того, что спрос далеко превышает предложение. Чтобы поднять продукцию до спроса, нужны дополнительные оборотные средства и капитальные затраты. Как же обстоит дело с финансовыми возможностями государства? Здесь дело обстоит иначе. У государства и промышленности нехватает средств для того, чтобы покрыть платежеспособный спрос страны, т.-е. прежде всего спрос крестьянства. Отсюда-то и вытекают главные затруднения и побочные заминки, которые могут принимать в известные моменты очень острый характер. В частности, наша текстильная промышленность стоит сейчас перед серьезными затруднениями, которые ведут, повидимому, к временному сокращению производственной программы. Спросим себя еще раз: откуда это? Почему это? Потому ли, что у нас перепроизводство, слишком много, например, ситца и бумазеи? Нет. Слишком мало. Товарный голод, ножницы оптовых и розничных цен, — все это налицо. Откуда же сокращение программы и вообще заминка? Не хватает государственных средств для того, чтобы промышленность могла поспевать за потребностями рынка. Здесь — слабое наше место. Здесь жмет сапог. Недостаток промышленных продуктов сокращает экспорт хлеба и сырья. Сокращение экспорта немедленно же ведет к сокращению импорта. Урезка

импорта — текстильного сырья и оборудования — бьет по промышленности. Получается как бы замкнутая цепь. За какое же звено этой цепи ухватиться? Это совершенно очевидно: за промышленное. Через собственную голову, конечно, не перескочишь. Но в рамках правильного использования и распределения народнохозяйственных и государственных средств необходимо напрячь все силы, чтобы дать промышленности все, что можно. Это и значит «держать курс на индустриализацию страны». Здесь приходится вспоминать снова и снова слова Владимира Ильича насчет того, что наше архибедное государство должно жить в обрез, экономить во всем и везде и каждую копейку откладывать на промышленность. Степень нашей устойчивости и нашего могущества, напор на нас капиталистических врагов и сила нашего импедимента; гарантия октябрьских завоеваний и их социалистического развития, — все это будет в ближайшие годы определяться, прежде всего, темпом нашего промышленного развития, т.е. успешностью курса на индустриализацию страны. Приложим же дружно все силы, чтобы, несмотря на временные заминки и трудности, обеспечить этому курсу полную победу!

Наше «банкротство» от роста, буржуазное — от безвыходности.

По поводу наших очередных затруднений, в особенности с экспортом и с иностранной валютой, затруднений, которые не могут не отразиться на наших сегодняшних промышленных заданиях, иностранная печать полна сейчас речей по поводу нашего «банкротства». Правда, наряду с этим Германия, например, предлагает нам крупный товарный кредит на сотни миллионов марок. Я не сомневаюсь, что и во Франции мы найдем долгосрочный промышленный кредит, ибо Европе нужен до зарезу платежеспособный оптовый покупатель и не

менее ей нужен в нашем лице оптовый поставщик сырья. Но это не мешает их печати говорить о нашем банкротстве. Поистине они выбрали для этого неподходящий момент! Ведь стоит взглянуть на Германию, где в течение нескольких месяцев обанкротилось — несмотря на Дауэса и Америку — несколько тысяч фирм и где на улицу в короткий срок выброшено около двух миллионов рабочих... Или может быть положение в Англии, во Франции или, скажем, в Польше настолько блестяще, что располагает наших врагов разговаривать о советском банкротстве? А ведь все это страны парламентаризма и частной собственности. У них каждый синдикат, каждый трест, каждый банк, а часто и отдельная фабрика имеют свой особый счет, ведут хозяйство «свободно» и банкротятся, так сказать, вполне самостоятельно (Смех). Совсем по-иному обстоит дело у нас. Что такое рабочее государство? Это фабрика фабрик, банк банков, контора контор, трест трестов, синдикат синдикатов. В его руках сходятся все балансы. Если у кого не хватает чего — это по каналам смет восходит к государственному казначейству или к государственному банку. Оборотных средств не хватает, кредита не хватает, капитальных вложений не хватает — все нехватки в концентрированном виде восходят наверх. Трест проторговался, кто за него отвечает? Государство. Если объявить его просто банкротом, то ведь это значило бы ударить по себе же, ибо он задолжал, скажем, железной дороге — за провоз, другому тресту — за сырье и пр. и пр. У нас все общественное хозяйство связано круговой порукой, а ответчик за все — государство. Если кто просчитался, он свой просчет записывает в приходо-расходную книгу «любезнейшего» государства. А у государства бывают, поверх этих частных просчетов, свои, более общие — просчеты планирования. Накладывалась друг на друга и сопрягаясь, эти нехватки, утечки, просчеты и ошибки приводят нередко к кризисным или полукризисным состояниям.

Буржуазная публика кричит: «банкротство, банкротство!» Извините, именно наша советская механика позволяет не доводить дела до банкротства. Вы там у себя вылетаете в трубу тысячами предприятий в несколько месяцев, а у нас, именно благодаря тому, что между всеми нашими предприятиями существует система каналов и рычагов, которую руководит рабочая власть, т.е. благодаря обобществленной системе хозяйствования, имеется возможность величайшие затруднения преодолеть, не доведя их до глубоких и острых кризисов, без которых не может жить капиталистическое хозяйство. Так будет и на этот раз.

Мы идем к социализму — нам нужна техника, культура.

Нет, мы нашего «банкротства» на их банкротство никак не променяем. Их трудности — от безвыходности, наги трудности — от роста, с одной стороны, от незрелости, от неумелости — с другой: еще не научились, но пути видим, возможности есть, учиться хотим и учимся. Истекшие восемь лет обнаружили это. Эти восемь лет доказали полностью, что авангард рабочего класса учится с успехом и поднимает массы. Какие загадки загадала нам в Октябре история? Во-первых: сумеете ли управлять без царя? Во-вторых: сумеет ли мужик землю пахать без помещика? В-третьих: сумеет ли рабочий производить ситец без хозяина? И, наконец, в-четвертых, если прибавить сюда еще «вопросы быта»: сумеете ли дети рожать без попов? (Аплодисменты, смех). И что же? Как будто, сумели. По всем четырем пунктам экзамен держали и — выдержали. Заменяли власть угнетателей властью угнетенных, — и спасли страну от кабалы. Мужик пахет землю без помещика, жнет без предводителя дворянства и доведет урожай до довоенного уровня, несмотря на войну и разруху последних лет. Рабочий без капиталиста приблизил разрушенную промышлен-

ность к довоенному уровню. И октябрины справлять тоже научились, жаловаться нельзя. Но, товарищи, это только первый подготовительный экзамен. Оглядываясь н а з а д, можно сказать: какую гигантскую работу совершили! В бывшей царской России рабочие и крестьяне сознательно строят новую жизнь, несмотря на то, что рабочие других цивилизованных стран их во-время не поддержали. Восемь лет живем, строим, поднимаемся. Какая гигантская работа! А глянешь в п е р е д, в свете тех самых сравнительных коэффициентов, которые оценивают нашу хозяйственную отсталость, и говоришь себе: какие неизмеримые задачи впереди! Во-первых — догнать Европу. Во-вторых — догнать Америку. В-третьих — и Европу и Америку оставить позади. Да, наша страна идет к социализму. Но чтоб осуществить его, она нуждается в высокой технике. Капиталистические страны, располагающие высокой техникой, зашли в тупик. Таково противоречие. Где выход из него? Европейскому пролетариату развивать революцию, нам — технику и культуру. Только в сочетании того и другого — спасение для нас и для них.

Надо строить самим новое по-новому.

Чем дальше, тем больше нам предстоит строить новое и по-новому. На наших нынешних заводах и фабриках не только стены, но и станки, и машины, и приемы работы — все это еще в огромной степени осталось от старого. Осталось и много старых рабочих, мастеров, инженеров. До сих пор строительство шло по старым техническим колеям. А теперь мы подходим ко второму периоду. Тут пойдет основной социалистический экзамен по всем областям работы. Старых дорог больше нет. Дальше надо жить своим умом. Мы собственным коллективным умом в прошлый период жили преимущественно в области революционной борьбы. А в технике, в производстве на ⁹/₁₀

обходились традициями и методами, унаследованными от прошлого. Теперь, когда мы весь этот капитал пустили в оборот, задача круто меняется: дальше надо строить уже собственными силами и мозгами, по собственным чертежам, создавать собственных инженеров, собственных квалифицированных рабочих, воздвигать новое, в прошлом небывалое, коллективное хозяйство. И здесь мы на каждом шагу сталкиваемся с вопросом о поднятии нашей способности к коллективной творческой работе, а это значит о поднятии массовой инициативы, самостоятельности, заинтересованности, умелости, т.е. культуры.

Борьба за качество — борьба за культуру.

Ваша резолюция говорит о производительности труда. Я бы предложил включить также и вопрос о качестве продукции. Вы можете подумать, что это у меня «цеховое» требование? (Смех). Немножко есть, не без этого, но ведь мы в борьбе всегда учились соединять требования цеховые с требованиями классовыми. Позвольте же мне и на этот раз одно связать с другим. Вопрос о качестве есть другая сторона вопроса о количестве продукции. Количество без качества, т.е. снижение качества в интересах количества, есть чаще всего фальшивое количество. Одно нераздельно связано с другим, одно другое питает. Наша американская комиссия (при Амторге) обследовала текстильную промышленность Соединенных Штатов и сделала такой вывод среди прочих: «Главное внимание в Америке обращено на выработку высокого качества пряжи, которое при последующих технических процессах дает меньше угля, предотвращает излишние потери и требует вследствие этого меньше затрат труда», то-есть лучшее качество пряжи обеспечивает более высокую производительность труда, или более высокое качество работы дает в последнем счете и большее количество.

Я думаю, что при выработке технических норм и расценок вопросам качества продукции и прежде всего текстильной, как рассчитанной на потребление самых широких масс, надо уделять величайшее внимание. Это не просто вопрос сбыта, нет, это вопрос культуры и социализма. Культурность — это и есть повышение качества. Когда человек хочет, чтобы жилось ему свободнее, лучше, чтобы воздух в комнате у него был чист, чтобы у него был не половинный или четвертной паек жилья, как нынче приходится на текстильщика, а полный, то эта масса имеет потребность в лучшем жилье и есть потребность в более высокой культуре. Когда из Пензы или Саратова посылают в «Известия» или в «Рабочую Газету» ругательные письма, что газета ваша печатается плохо, читать ее трудно — это есть проявление борьбы за культуру, за повышение качества. Борьба с грязью и клопом, с вошью, с рабской традицией нищеты и неопрятности есть борьба за качество, за повышение культуры. Борьба с пьянством, которое представляет собой, если не дать ему отпора, страшную угрозу для социалистического будущего, есть борьба за качество человеческой личности, борьба за культуру. Мы, товарищи, не поставим настоящего социалистического хозяйства, не проведши по всей линии победоносную борьбу против глубоко вьевшихся в наш общественный быт наследий отсталости, пережитков всех видов крепостничества — в отношениях мужа к жене, родителей к детям, более сильного — к более слабому. Борьба за социалистическое хозяйство есть, с одной стороны, борьба за мировую революцию, а с другой — это борьба за повышение качества каждой отдельной человеческой личности, борьба за повышение общей культуры.

Долой некультурность!

Начали мы с борьбы с паризмом. Целый ряд поколений — сперва интеллигентских, потом передовых рабочих, затем

рабочих масс и, наконец, крестьянских масс, — несколько поколений поднималось и закалялось в этой борьбе. Лозунг был: Долой самодержавие! Это была революционная клятва сменявших друг друга поколений. А теперь такой задачей является борьба с отсталостью, с темнотой, неряшливостью, с грязью, безграмотностью. И как поколения ложились костями под лозунгом «Долой самодержавие!», так наше поколение должно отдать все силы воли и духа героической борьбе под лозунгом: «Долой некультурность!» (Продолжительные аплодисменты).

12.

БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К ГАЗЕТЕ
„ГОЛОС ТЕКСТИЛЕЙ“

